

И.В. Луговая

«Тройка»

Есть предположение, что героиня этого стихотворения — вывезенная матерью поэта, Еленой Андреевной (урожденной Закревской), крепостная девушка Катерина. «Взгляд один чернобровой дикарки», «Вьется алая лента игриво в волосах твоих черных, как ночь» — все это не очень похоже на северную крестьянку, но прямо ложится на традиционный портрет южанки, «чорнобривой» хохлушки.

Однако поэт создает здесь именно тип, предсказывает крестьянской девушке традиционно безрадостную судьбу русской женщины-крестьянки. Тема перекликается со стихотворением Ф. И. Тютчева «Русской женщине».

«Тройка» — первая у Некрасова обобщенная картина крестьянской женской «доли» и первый эскиз народного женского образа. Это произведение стало русской песней, вошло в фольклор, что свидетельствует о его глубокой народности. Однако за исключением одной этнографической детали («алая лента... в волосах») и одного фразеологического клише («сырая могила») в стихотворении нет предметных и словесных примет устной народной поэзии. Соответствия фольклорным канонам обнаруживаются скорее в сюжетно-композиционном рисунке «Тройки», основой которого стало противопоставление девичества и замужества.

В поисках способов изображения народной жизни Некрасов не мог, и тем более поначалу, не опираться на ее фольклорные образы и в данном случае использовал устно-поэтический мотив в качестве одного из средств типизации своей картины. Фольклорные истоки сюжетно-композиционного плана «Тройки» подчеркивались и традиционно-народными образами «веселых подруг» героини (здесь характерно уже произошедшее отделение героини от своего девического круга), а затем нелюбимого мужа и злой свекрови.

Тема дороги, ямщика, тройки восходит к народным дорожным и ямщицким песням. О стереотипности поэтического образа тройки Некрасов хорошо знал. Между тем поэт вновь обратился к уже исчерпанному, казалось бы, мотиву, рассчитывая на заложенные в нем национально-демократические оттенки, а также на возможности его обновления социальной темой: близость традиционной поэтичности способствовала поэтическому освоению таких областей действительности, которые раньше поэтизации не поддавались и были лирике недоступны. Образно-стилистический ряд стихотворения позволяет воспринимать его как песенно-романсовое произведение; однако романсом стала лишь первая часть стихотворения, лирический эпизод встречи героини с «проезжим корнетом» и ее сердечной «тревоги». Романтические мотивы народной лирики переплелись здесь с любовной темой, также решенной Некрасовым в традициях романтизма, но только сложившихся на поздних этапах его литературной истории, во второй половине 1830-х гг.

В центре первой — романсовой — части стихотворения — портретное описание героини:

...Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных, как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь...

Данный фрагмент всецело воспроизводит стилевую атмосферу позднеромантической лирики. Экзотичность образа, его яркая, «жгучая» цветовая живописность, своеобразный максимализм словесных приемов — все эти художественные черты выдавали в авторе «Тройки» поэта, прошедшего школу романтизма 1830-х гг.; в дальнейшем они были чужды главным тенденциям его поэтики и даже уже чужды поэтике второй части самой «Тройки».

Стихотворение «Тройка» монологично, и все романтические элементы его стиля принадлежат одному голосу автора. Задумав создать женский народный образ, Некрасов еще не знал иных возможностей его поэтического оформления, кроме приемов любовной лирики, а это повлекло за собой и всю ее новейшую поэтику. Поэтика приведенных нами строк стихотворения — это романтическое наследство, воспринятое Некрасовым в годы его вступления в литературу: с одной стороны, патетическое — «Взгляд один черной бровью дикарки, / Полный чар, зажигающих кровь»; с другой — почти «галантерейное»: «Вьется алая лента игриво» и «Смотрит бойко лукавый глазок».

Романтическая литература создала устойчивую и повторяющуюся у разных авторов типологию женских характеров и обликов: различались два типа идеальной красавицы: восточная женщина с черными глазами и прекрасная христианка, голубоглазая и светло-волосая. Оба этих образа осуществляли видение безусловной красоты и женственности. В высокой литературной культуре раннего романтизма восточный и европейский женские типы выступали зачастую равноправно, отражая трагическую неразрешимость романтического философского конфликта, сохраняя в себе, как Зарема и Мария в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина, все большое содержание этого конфликта.

Женский образ «Тройки» был обязан своим поэтическим оформлением именно этой позднеромантической ориенталистике¹.

Черные, «как ночь», волосы, черные брови, смуглое лицо — все это характерные черты романтического портрета восточной красавицы, и добавление в этот экзотический облик «алой ленты» также не противоречит литературным обычаям романтизма: поэзия 1820–1830-х гг. не раз использовала наружные приметы восточного женского типа в качестве портретных характеристик русских или украинских героинь (Мария в пушкинской «Полтаве»). В поэтическом описании некрасовской крестьянки мелькнул даже отголосок философского контекста, окружавшего некогда у романтиков образ восточной женщины и со временем утраченного: «дикарка».

Формирование некрасовской поэтики в 1840-е годы сопровождалось, как и становление творческого метода многих других писателей этой эпохи, резким отказом от романтизма.

После «Тройки» мы не найдем у Некрасова романтического женского образа, выступающего в функции образа народного.

Судьба романтического женского типа в некрасовской поэзии отражает один из значительных процессов ее эволюции: из универсальной системы средств художественного освоения жизни романтическая поэтика постепенно превращается у Некрасова в частный прием с ограниченной сферой применения. Эта эволюционная линия, прослеживаемая на протяжении всего творческого пути поэта, в известной мере была задана уже его лирикой, созданной в 1840-е годы, и стихотворение «Тройка» помимо того что давало представление о последних вспышках некрасовского романтизма, предсказывало также и пути его преобразования в позднейшей поэтической работе Некрасова. Уже здесь замысел поэта не уместился в рамки романтического образа, и этот последний был продолжен, как бы надстроен образом иного литературного родства:

Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

¹ Ориентальный — восточный.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть...

Этот второй сюжет стихотворения, развертывающий перспективу жизни крестьянской девушки, резко контрастирует с первым, что сразу и отражается на стиле.

Говоря о столкновении романтической и натуралистической поэтики в стихотворении «Тройка», следует, однако, подчеркнуть, что этим мы вовсе не ставим под сомнение цельность и единство созданного в нем народного образа. Складываясь из художественных элементов разной природы, образ некрасовской героини при этом един, и единство это обуславливается характером авторского взгляда на нее, взгляда, уже увидевшего в народе первооснову национального бытия, но пока еще стороннего, не проникнутого органикой народного мирозерцания, в известном смысле меряющего народную жизнь ценностями социально чуждого ей сознания.

Натуралистическую характерность социального плана «Тройки» обнаруживает такой стилистический признак, как прозаизмы. Будучи лексикой с ослабленным, а в отдельных случаях и исключенным эстетическим значением, прозаизмы не определили всего стилистического качества «Тройки», но образовали в ее тексте натуралистический отрезок, отличающийся прежде всего недифференцированностью, непосредственностью, первичностью жизненного материала. Здесь сказалось, конечно, не намерение поэта нарисовать отталкивающие образы народной жизни; скорее слышны отзвуки долго державшихся в литературе понятий, согласно которым народный быт не обладал эстетическим потенциалом. Некрасов боролся с этими представлениями, и уже в «Тройке» ставилась задача их преодоления, однако практически творческое ее решение давалось не вдруг.

Подойдя к огромной и лишь первоначально затронутой предшественниками проблеме поэтического изображения народной жизни во всей ее целостности, Некрасов сразу начал искать возможностей эстетического освещения своего предмета. Поэт располагал эстетическими фондами фольклора, с одной стороны, и романтической литературой — с другой. И пользовался ими. Вместе с тем он не мог не сознавать и невозможности распространения этих методов на весь новый материал; оставалась еще реальная действительность, сквозь которую не пробивался свет готовых традиций и художественное освоение которой возможно было поначалу лишь средствами прямого натуралистического слепка. Стихотворение «Тройка» и отразило драматизм данной творческой ситуации поэта, уже нашедшего свое содержание, но еще не создавшего единого метода художественного воплощения разных его сторон. Эстетическое преображение народной жизни предстало в «Тройке» как соединение нагой «натуры» с той эстетикой, которую можно было почерпнуть из запаса художественных традиций, однако в этом соединении сохранялся заметный стык, проза и поэзия стояли рядом, но друг друга еще не ассимилировали, соседствовали, но не давали синтеза. Весь дальнейший поэтический путь Некрасова стал путем к органическому единству этих найденных в «Тройке» граней образа народного мира. Зрелый Некрасов изображает уже не поэзию и не прозу народной жизни, но поэзию ее прозы, открывая высокое в том, что до него представлялось низким.

Все сказанное менее всего означает, что «Тройка» — не достигнувший своей цели эксперимент начинавшего свой творческий путь поэта. Без «Тройки» было бы невозможно появление некрасовского эпоса. Романтические стороны женского образа «Тройки», обособившись, отошли к дворянским героиням поэта, принцип сочетания идеальных и бытовых характеристик, впервые примененный Некрасовым в «Тройке», лег

в основу его будущих женских народных образов, образов крестьянок со «взглядом цариц». Видимой границы между идеальным и бытовым обликом крестьянской женщины здесь уже нет, идеал естественно растет из быта и не противопоставляется ему, но для того, чтобы это поэтическое открытие состоялось, необходима была первоначальная антитеза «Тройки», уместившаяся, однако, в объем одного образа.

О героине «Тройки» можно сказать и большее. Ни ее романтический портрет, ни натуралистическое описание ее судьбы сами по себе не несли еще поэзии с ярко выраженным национальным значением. Но Некрасов окружил этот свой ранний образ такими лирическими мотивами, в которых непосредственное предметное содержание было едва ли не заслонено символикой национального бытия. Именно в таком значении входили в некрасовское стихотворение дорожные мотивы и образ тройки. Свет этой символики придал героине «Тройки» поэтичность неизмеримо высшую, чем та, которая могла быть заключена в романсовом лиризме или в социально-бытовой драме. В женском образе поэта рождалось национальное олицетворение, которое и было впоследствии утверждено всем образным миром некрасовской поэзии.